

КОММЕНТАРИИ К «КАТЕГОРИЯМ» АРИСТОТЕЛЯ

Универсалии бывают двух видов: одни универсалии дают знание о сущности всех своих носителей и не дают никакого знания о каком-либо носителе вне своей сущности — таковы универсалии субстанции; другие универсалии дают знание о сущности некоторых своих носителей и других носителей вне своей сущности — таковы универсалии акциденции. Единичные бывают двух видов: одни из них дают знание о чем-то вне сущности своего носителя и не дают никакого знания о сущности (своего) носителя — таковы единичные акциденции; другие единичные не дают никакого знания ни о сущности какого-либо носителя, ни о чем-либо вне его сущности — таковы единичные субстанции. Субстанция вообще не дает никакого знания о чем-либо вне своей сущности. Она бывает двух видов: один вид дает одновременно знание о сущности всех своих носителей — таковы универсалии субстанции; другой вид не дает никакого знания ни о сущности какого-либо носителя, ни о чем-либо вне своей сущности — таковы единичные субстанции. Акциденция вообще есть то, что дает знание о чем-либо вне сущности единичного носителя; она бывает двух видов: один вид дает знание о сущности другой субстанции — таковы универсалии акциденции; другой вид не дает никакого знания о сущности какого-либо носителя — такова единичная акциденция. Указанная здесь акциденция более обща, чем те, о коих говорилось ранее¹, ибо эта акциденция охватывает собственный признак и акциденцию, упомянутые ранее: она как бы является их родом, а те — ее двумя видами, один из которых называется по имени своего рода.

Аристотель называет универсальным сказуемым, дающим знание о сущности подлежащего, то, что сказывается о его подлежащем, а универсальным сказуемым, дающим знание о чем-либо вне сущности какого-либо подлежащего, — то, что

¹ Речь идет о собственном признаке и акциденции (случайном признаке), разбираемых Фараби в его комментариях к «Введению» Порфирия.

находится в подлежащем. Из вещей одни сказываются о каком-то подлежащем, но не находятся ни в каком подлежащем — таковы универсалии субстанции; другие сказываются о подлежащем и находятся в подлежащем — таковы универсалии акциденции; третьи находятся в подлежащем, но не сказываются о подлежащем — таковы единичные акциденции; наконец, четвертые и не находятся в подлежащем и не сказываются о подлежащем — таковы единичные субстанции.

Субстанция есть один из высших родов, которому подчинены промежуточные роды. Каждому промежуточному роду подчиняются виды — и так до их последних видов, каждый из которых состоит из единичных вещей. Каждый последний вид имеет образующее его различие, а каждый промежуточный род имеет различие, которое образует его, и различие, которое делит его. К акциденциям относятся девять высших родов, каждому из которых подчинены промежуточные роды; каждый из промежуточных родов имеет нисходящий ряд, который завершается последними видами. Каждый из последних видов имеет образующее его различие. Каждый промежуточный род имеет различие, которое образует его, и различие, которое делит его. Высших родов всего десять: субстанция, количество, качество, отношение, время, место, положение, состояние, действие и претерпевание.

1. Рассуждение о субстанции

Субстанция уже была описана. Таковой являются, например, небо, звезды, земля и ее части, вода, камни, различные виды растений, различные виды животных и органы каждого животного.

Возьмем, например, высший род, объемлющий эти и подобные им вещи — тело, или то, что сделано телом, или то, что сделалось телом. Одни тела бывают питающимися, другие — непитающимися. Одни питающиеся тела бывают чувствующими, другие — нечувствующими. Питающееся чувствующее тело есть животное. Одни животные бывают разумными, другие — неразумными. Разумным животным является человек. К неразумным животным относятся прочие виды животных, такие, как лошадь, бык, осел и тому подобное. К питающимся нечувствующим телам относятся различные виды растений, а к непитающимся телам — такие, как небо, звезды, вода, огонь, камни и другие подобные им вещи. Отдельные предметы суть единичные субстанции, а их роды и виды суть универсалии субстанции.

Единичные субстанции — это те, что называются первыми субстанциями. Универсалии субстанции — это вторые субстанции. Единичные субстанции в большей мере субстанции, ибо

они более совершенны по существованию, чем универсалии субстанции, в том отношении, что они в большей мере довлеют себе и более независимы от чего-то другого в своем существовании. Ведь единичные субстанции не нуждаются в своем существовании ни в каком подлежащем, потому что они и не находятся в подлежащем и не сказываются о нем. Что же касается универсалий субстанции, то, будучи таковыми, они нуждаются для своего существования в единичных субстанциях, поскольку они сказываются о подлежащих, а их подлежащие суть единичные субстанции. И все же то, что они нуждаются в подлежащих, не мешает им быть субстанциями, ибо они лишь сказываются о своих подлежащих (а не находятся в них), а универсалии, которые сказываются о подлежащих, дают знание о сущности этих подлежащих, и когда знают эти универсалии, приобретается знание о сущности этих подлежащих. Вещь умопостижима благодаря тому, что познается ее сущность. Единичные же субстанции умопостижимы благодаря тому, что разумом познаются их универсалии. Понятия же единичных субстанций существуют лишь благодаря существованию самих этих субстанций. Таким образом, для того чтобы быть умопостижимыми, единичные субстанции нуждаются в универсалиях субстанции, а универсалии субстанции, для того чтобы существовать, нуждаются в единичных субстанциях, так как если бы последние не существовали, то те из универсалий, которые являлись бы душе, оказались бы вымышленными, ложными, а то, что ложно, не существует. Универсалии, стало быть, существуют благодаря единичному, а единичное умопостижимо благодаря универсалиям. Вот почему универсалии субстанции также оказываются субстанциями — они являются понятиями тех субстанций, принадлежность которых к субстанциям очевидна, и оказываются вторыми по степени (субстанциями), ибо они существуют, поскольку существуют единичные субстанции.

Кроме универсалий субстанции, в субстанциях нуждаются сказуемые первых субстанций, поскольку они находятся в подлежащем. И все же, хотя они и находятся в подлежащем, их подлежащие являются первыми субстанциями, и эти сказуемые не дают знания о сущности субстанций. Поэтому их понятия не являются понятиями субстанций, и субстанции, для того чтобы стать умопостижимыми, в этих сказуемых не нуждаются. Скорее эти сказуемые нуждаются в субстанциях для того, чтобы стать умопостижимыми. Таким образом, эти сказуемые нуждаются в субстанциях и в том и в другом случае, а субстанции ни в том, ни в другом случае в них не нуждаются. Потому эти сказуемые вовсе и не являются субстанциями.

Подобным же образом и виды первых субстанций в большей мере являются субстанциями, чем их роды. Ибо виды дают более определенное и совершенное знание о сущности первых субстанций, чем их роды. Поэтому понятия видов первых субстанций в большей мере являются понятиями субстанций, чем понятия их родов. Равным образом роды единичных субстанций нуждаются в них лишь для того, чтобы существовать, так что виды первых субстанций, для того чтобы существовать, нуждаются в субстанциях как таковых меньше, а их роды — больше. Таким образом, виды единичных субстанций в большей мере довлеют себе в своем существовании, чем их роды. И роды и виды суть субстанции, но виды единичных субстанций, стало быть, в большей мере являются субстанциями, чем их роды.

II. Рассуждение о количестве

Количество есть все то, совокупность чего может быть измерена его частью, как, например, число, линия, поверхность, тело, а также время, а также слова и выражения. Ибо если взять любое число, то в нем можно найти часть, измеряющую (все число), или нечто равновеликое с ней. Например, пять: число это измеряют единицей, взятой пять раз, — или десять: его измеряют двойкой, взятой пять раз. Всякое число измеряется либо только единицей — как, например, пять, семь и т. п., — либо единицей и еще каким-нибудь числом, как, например, шесть, которое измеряется единицей, взятой шесть раз, двойкой, взятой три раза, и тройкой, взятой два раза. То же самое относится и к линии: линия измеряется локтем, а локоть есть либо часть линии, либо нечто равновеликое с ней. Точно так же в любой поверхности можно взять некую меньшую поверхность и измерять ею большую поверхность. То же самое можно сказать и о теле. Так же дело обстоит и со временем: ты берешь один час и измеряешь им сутки, берешь день и измеряешь им месяц, берешь месяц и измеряешь им год.

Слова также относятся к количеству: каждое слово как целое может быть измерено его частью, ибо в словах имеется нечто относящееся к ним так же, как локти — к длине. Слова состоят из звуков. Звуки бывают гласными и согласными: гласные, такие, как «алиф», «вав», «йа», а также «фатха», «дамма», «кара», а согласные — это прочие звуки, такие, как «нун», «мйм», «лам» и другие. Гласные бывают долгими — таковы «алиф», «вав» и «йа», и краткими — таковы «фатха», «дамма» и «кара». Сочетание гласных и согласных звуков называется слогом. Слоги бывают долгими и краткими. Долгий слог — это тот, который имеет долгую гласную, например, «ла», «лу»

или «ли», а краткий — это тот, который имеет краткую гласную, например, «ла», «лу», «ли».

Краткие слоги, когда к ним присоединяются согласные звуки, например «лан», «лун», «лин», становятся подобными долгим слогам, так как те и другие произносятся в равное время.

При сочетании обоих видов слогов, например, когда берутся краткие слоги и к ним прибавляются долгие или подобные долгим слоги — как (в сочетании слогов) «малā» или «малаз» и т. п., — или когда берут долгий слог и к нему прибавляют краткий — как (в сочетании слогов) «мāна» или «мина», — или когда образуют еще какое-нибудь сочетание в соответствии с возможностями языка, получаются не слоги или что-либо подобное им, а нечто иное. Слоги того и другого вида могут быть соединены друг с другом в различных сочетаниях, а эти последние можно сочетать друг с другом так, что из этого получится нечто другое, нечто большее, чем предыдущее.

Самое меньшее, чем измеряют слова, — это слоги; за ними следует то, что составлено из обоих видов слогов. Самым же совершенным мерилем слов служат долгие и подобные долгим слоги. Слова измеряются и краткими слогами, только такое измерение неполно и несовершенно.

Среди сочетаний слогов есть такие, в которых впереди поставлен краткий слог, а к нему прибавлен долгий (например, в случае, когда мы произносим «мала» или «малаз») — эти сочетания для измерения являются самыми совершенными, — и такие, в которых добавлены краткие слоги. Многие выражения измеряются одной из этих единиц так, что эта единица целиком исчерпывает данное выражение, а многие не исчерпываются одной из них, а нуждаются в том, чтобы их измеряли две единицы или более, подобно тому как это бывает с длиной: есть случаи, когда длина измеряется одним локтем и исчерпывается им, и есть такие случаи, когда длина не исчерпывается одним локтем, а нуждается для своего измерения в двух локтях.

То, о чем мы говорили, имеет место во всех языках. В качестве примера ты можешь взять то, что мы наблюдаем в арабском языке. Знаючи этого языка краткие слоги называют «подвижными звуками», долгие и подобные им слоги — «связками», а то, что может быть составлено в их языке из обоих видов слогов, — «коляями». Далее, они сочетают одни слоги с другими, составляя, таким образом, из них еще большие мерилы, которыми они измеряют свои размеренные слова и выражения, как, например, «фа илун», «муфа'илун», «мустаф-илун». А раз так, то каждое речение может быть измерено либо долгим слогом, либо кратким слогом, либо сочетанием того и другого. Слоги — это наименьшие части, которыми можно

измерить речения. Сочетания слогов — больше их. Все это в речениях подобно локтям в длине.

Количество бывает непрерывным и отдельным. Непрерывное количество — это то, в середине чего можно предположить некую между или границу, где примыкают друг к другу части данной вещи, расположенные по обе стороны предполагаемой границы. И тогда граница эта будет общей для обеих частей. Так, например, обстоит дело с линией: в середине ее можно предположить точку, в которой будут примыкать друг к другу части линии, расположенные по обе стороны точки, и точка эта будет границей, общей для той и другой части. Точно так же и в середине плоскости можно предположить линию, которую можно принять за границу, общую для частей поверхности, расположенных по обе стороны этой линии. То же самое можно сказать и о теле, например о кубе: в середине куба можно предположить пересекающую его плоскость, которая будет общей границей, где будут примыкать друг к другу части куба, расположенные по обе стороны этой плоскости. Таким же образом и во времени можно найти нечто сходное с точкой на линии, а именно «теперь», которое будет общей границей между прошедшим и будущим временем.

Отдельное количество — это то, в середине чего нельзя найти никакой межи, которую можно было бы рассматривать как границу, общую для обеих составляющих его частей. Так, например, обстоит дело с числом десять: между двумя пятерками, являющимися частями десяти, нельзя найти что-либо отличное от их единиц, что можно было бы рассматривать как общую границу, где соприкасались бы их единицы, между тем как в линии, (например), такую границу мы можем найти. Равным образом ни одну из единиц этих пятерок или единиц их единиц нельзя рассматривать как общую границу так, чтобы эти пятерки сохраняли свое равенство. Ибо если ты возьмешь одну единицу от какой угодно из этих двух пятерок и пожелаешь рассматривать ее как общую границу, то в остатке будет четыре, и пятерка окажется не сохранившей свои единицы. Точно так же обстоит дело и с другими числами, будут ли они четными или нечетными. То же самое можно сказать и о словах: между звуками нельзя найти никакой межи, которую можно было бы рассматривать как границу, общую для двух звуков. Равным образом и один какой-нибудь звук нельзя рассматривать как границу, общую для двух частей речения, будь то в слове или выражении, ибо в противном случае в одной из частей речения не хватало бы одного звука, и тогда речение это изменилось бы и стало бы чем-то иным.

Далее, одни количества состоят из частей, определенным образом расположенных в отношении друг друга, а другие состоят

из частей, расположенных в отношении друг друга неопределенным образом. В том, что состоит из частей, расположенных определенным образом в отношении друг друга, все части существуют вместе; положение каждой из них определяется в одном из направлений этого количества; само это направление определено так, что на него можно указать жестом или словом; та из остальных частей данного количества, с которой данная часть соседствует или соприкасается, также определена таким образом, что известно, с какой из остальных частей она соприкасается и соединяется. Итак, все, что имеет части, соответствующие этим четырем условиям, состоит из частей, расположенных определенным образом в отношении друг друга. Яснее всего это видно в телах с разными частями, в таких, как, например, человек: все части человека существуют вместе; какую бы часть его ты ни взял (например, голову), положение ее определяется в каком-нибудь направлении по отношению к телу так, что на него можно будет указать (а именно — это верхняя его часть); при этом мы будем знать, с какой частью она соседствует и с какой соединена (а именно — соединена она с шеей). То же самое относится и к телу с одинаковыми частями, к такому, как, например, золото, ибо часть, которую ты отмеряешь и выделяешь (в таком теле), подобна голове, положение которой определено природой. Так, ты выделяешь эту часть золота на какой-нибудь стороне его; ты можешь указать на нее, как на то, что находится наверху, внизу или на какой-нибудь другой стороне; вместе с тем известно, что с прочими частями золота она соединяется частью, расположенной справа или слева от нее. Точно так же обстоит дело с линией, плоскостью и телом: и линия, и плоскость, и тело соответствуют этим четырем условиям. Между тем в отношении времени определить этого ты не сможешь: части времени не существуют вместе, ибо время быстротечно. То же самое можно сказать и о частях предложения, ибо каждый раз, как ты произносишь какой-нибудь из его звуков, он оказывается уже прошедшим, и два из них не могут существовать вместе. Что же касается числа, то в нем нет никаких сторон, ибо оно вообще не может находиться в каком-нибудь месте. Равным образом и части его не примыкают друг к другу, не соединяясь и не соприкасаясь друг с другом. Части времени, предложения и числа не имеют положения, ибо они не соответствуют условиям положения (либо всем, либо некоторым из них). Таковы главные особенности количества. (Итак), количество бывает либо непрерывным, либо раздельным.

К непрерывному количеству относится то, что состоит из находящихся в нем частей или частей, имеющих в нем определенное положение, в том числе то, части чего расположены по отношению друг к другу в одном направлении, то есть линия,

далее — то, части чего расположены по отношению друг к другу в двух направлениях, то есть плоскость, и то, части чего расположены по отношению друг к другу в трех направлениях, то есть тело. Больше трех направлений не существует. То, что состоит из частей с определенным положением, называется математиками длиной и подразделяется ими на длину без всякой ширины, а именно линию, на длину только с шириной, а именно плоскость, и на длину с шириной и глубиной, или толщиной, а именно тело. Непрерывным количеством, части которого не имеют определенного положения, является время.

Поверхность бывает такой, которая принадлежит телу, — это (его) граница, и такой, которая является посторонней для него и примыкает к собственной поверхности тела, объемля это тело со всех сторон, — это и есть, согласно Аристотелю, место. Поверхность тела имеет разнообразные очертания, а ее разнообразным очертаниям соответствуют разнообразные очертания посторонней для нее, примыкающей к ней и объемлющей ее поверхности. Посторонняя поверхность представляет собой выем другого тела, ее объемлющего.

Иные же полагают, что место воды, находящейся в сосуде, представляет собой не выем сосуда, а пустоту и пространство, которые объемлет выем, и что этой пустотой и пространством является толща, ничем не заполненная и лишенная всяких качеств, в то время как толща воды обладает качествами, такими, как влажность, холод и тому подобное. То же самое можно сказать, если вместо воды взять воздух или еще что-нибудь.

Полагают, что толща воды, когда последняя появляется в сосуде, вся распространяется по всей толще пустого пространства и что вода и пустое пространство совпадают друг с другом так, что поверхность и глубина первой соответствует поверхности и глубине второго. Так некоторые думают о каждом чувственно воспринимаемом теле, полагая, что таково свойство всякого чувственно воспринимаемого тела и всего мира. Стало быть, очевидно, что толща пустого пространства может быть вся измерена посредством некоторой ее части. Место, таким образом, согласно тому и другому мнению, относится к непрерывному количеству, будучи либо посторонней поверхностью, соответствующей собственной поверхности (тела), либо посторонней толщиной, соответствующей собственной толщине тела. А которое из этих двух мнений истинно, об этом (говорится) в науке физики.

Раздельное количество состоит или из частей — это число, — или из звуков — это речь. Количество в собственном смысле и само по себе — это упомянутые выше виды; все остальное, что принимается за количество, не есть количество само по себе,

а причисляется к количеству через эти виды (количества), как, например, дело обстоит с цветом, движением (особенно перемещением), тяжестью, легкостью и тому подобным.

Так, каждый цвет, вследствие того что он простирается настолько, насколько простирается поверхность, или распространяется по всему телу и имеет величину, зависящую от величины поверхности или тела, измеряется посредством измерения поверхности или тела. Равным образом и перемещение бывает длинным вследствие длиноты расстояния, которое проходит перемещающееся, и вследствие долготы времени, в течение которого происходит перемещение; поэтому перемещение и измеряется через измерение расстояния и времени. Так же и тяжесть вся распределяется по всему телу и бывает разной в зависимости от каждого вида тел (то же самое можно сказать и о легкости); поэтому тяжесть и используется при измерении и с ее помощью измеряются многие тела. Что касается мер для сыпучих тел, то все они — сосуды, посредством которых производится измерение сыпучих тел, то есть в качестве этих мер служат либо, по мнению Аристотеля, внутренние поверхности сосудов, соответствующие содержанию, либо, по мнению других, толща пустого пространства, соответствующая толще измеряемого тела и распространяющаяся по ней, как бы представляя собой его место (а тела, как по тому, так и по другому мнению, различаются между собой в той мере, в какой различаются их места, и равны друг другу постольку, поскольку равны их места).

III. Рассуждение о качестве

Качество вообще — это формы, благодаря которым о единичных вещах можно сказать, каковы они. Это то, что отвечает на вопрос, задаваемый относительно каждой единичной вещи: какова она? Давая описание качеств единичного, необходимо отдавать себе отчет в том, что речь идет о качествах именно единичного, дабы отделить их от (видовых) различий, ибо (такие) различия суть также качества, поскольку они суть формы, благодаря которым о видах можно сказать, каковы они. Качество, будучи одним из высших родов, делится на четыре промежуточных рода. Первый из них — это свойство и состояние; второй — то, о чем говорится в смысле природной способности и природной неспособности; третий — это пассивные качества и пассивные состояния; четвертый — это качество, присущее количеству как таковому.

Свойство и состояние суть все формы в душе и в одушевленном (теле) как таковом. Одни формы в душе таковы, что приобретаются по желанию и по привычке (это науки, искус-

ства, нравы и тому подобное), а другие — природные формы (это естественные знания, заложенные в человеке от рождения, как, например, знание первых посылок, и нравы, заложенные от рождения в человеке и во многих животных, а также естественные искусства, которые можно найти у многих животных, как, например, ткачество у некоторых видов пауков). Что же касается тех форм, которые бывают у одушевленных (телах) как таковых, как, например, здоровье и болезнь, то о них говорится как о свойстве в том случае, если они настолько утвердились, что их трудно устранить, и как о состоянии (свойством здесь их уже никак нельзя назвать) в том случае, если они не утвердились и могут быть быстро устранены. Слово «состояние» Аристотель применяет также к знаниям для обозначения и тех из них, которые уже утвердились, и тех, которые не утвердились, так что оно здесь является как бы общим для них всех родом, один из видов которого называется свойством, а другой носит имя своего рода.

То, о чем говорится в смысле природной способности и природной неспособности, имеет противоположные виды, в которых одна из двух противоположностей относится к тому, о чем говорится в смысле способности, а другая — к тому, о чем говорится в смысле неспособности. Таковы, например, твердость и мягкость: твердость подчиняется (роду) «природная способность», а мягкость — (роду) «природная неспособность». То, о чем говорится в смысле природной способности, это такие природные предрасположения, благодаря которым тела легко совершают действия и с трудом поддаются им, а то, о чем говорится в смысле природной неспособности, это такие природные предрасположения, благодаря которым тела с трудом совершают действия и легко поддаются им. Таковы, например, сила и слабость; сила — это природное предрасположение к тому, чтобы легко совершать действие и с трудом поддаваться действию, а слабость — это природное предрасположение к тому, чтобы с трудом совершать действие и легко поддаваться действию. Подобным же образом и существующее в теле человека природное предрасположение к совершению определенного действия — вроде борьбы, кулачного боя и бега — есть некоторая природная способность. Что же касается приобретаемой им в результате привычки ловкости в борьбе и в искусстве одерживать верх в кулачном бою и беге, то все это относится не к роду «природная способность», а к (роду) «состояние и свойство», так как все это приобретается благодаря привычке.

Равным образом и предрасположение тела к превосходному выполнению действия в каком-либо искусстве относится к роду «природная способность», если человек предрасположен к этому по природе и от рождения, в то время как (само) искусство

относится к состоянию и свойству. Так же обстоит дело и с выражением «здоровый»: оно обозначает известную природную способность, ибо под «здоровым» подразумевается определенное предрасположение к тому, чтобы поддаваться действию с трудом, в то время как выражение «болезненный» обозначает природную неспособность, ибо под этим подразумевается предрасположение к тому, чтобы легко поддаваться действию.

Пассивное качество бывает двух видов: то, которое находится в теле, — это чувственно воспринимаемые качества (такие, как цвета, вкусовые качества, запахи) и осязаемые качества (такие, как теплота и холод), — и то, которое находится в душе, — природные аффекты души, такие, как гнев, жалость, страх и тому подобное. Из них скоропреходящее есть пассивное состояние, а то, что, утвердившись, проходит медленно или совсем не проходит, называется по имени своего рода, то есть пассивным качеством. Впрочем, Аристотель во многих местах все эти качества называет пассивными состояниями, независимо оттого, быстро они проходят или медленно. Пассивные качества, находящиеся в теле, суть чувственно воспринимаемые качества. Некоторые из них называются пассивными потому, что они вызывают в органах, посредством которых они воспринимаются, пассивное состояние и впечатление в тот момент, когда мы их ощущаем и испытываем. Таковы, например, вкусовые качества: они вызывают в языке и в язычке определенные пассивные состояния и впечатления. Так, терпкая пища оказывает вяжущее действие на язык, острая пища возбуждает в нем остроту. Примером могут служить также запахи, вызывающие сухость или влажность в мозгу и в ноздрях, и острые запахи, которые оказывают режущее и обжигающее действие. Точно так же обстоит дело с теплотой и холодом: в момент, когда мы ощущаем их посредством осязания, они вызывают теплоту или холод в тех органах, посредством которых они ощущаются. А пассивными такие качества называются не потому, что вызывают в чувствительных пассивное состояние, а потому, что возникают они в теле вслед за пассивными состояниями, ранее существовавшими в этом теле. Человек, например, почувствовав стыд, краснеет; стыд является здесь аффектом, возникшим в душе, вслед за которым в теле возникает определенный цвет. Точно так же обстоит дело и с бледностью, вызванной страхом.

Не исключена также возможность, что в теле в момент его становления естественно возникло некоторое пассивное состояние — теплоты, холода или еще какое-нибудь из чувственных пассивных состояний, — а за этим пассивным состоянием последовало возникновение в теле определенного цвета. Что касается аффектов души, то они относятся к (роду) «пассивное качество и пассивное состояние», а не к (роду) «свойство и состояние»,

ибо аффекты не суть нравственные качества. Нравственными качествами они становятся тогда, когда они достигают определенной степени — тогда-то они и оказываются подчиненными (роду) «свойство и состояние». Называются же они пассивными качествами, по-видимому, потому, что, возникая в душе, они вызывают в теле животного чувственные пассивные состояния, как, например, страх, вызывающий бледность, стыд, вызывающий красноту, и гнев, вызывающий в теле гневающегося теплоту и бледность.

Четвертый род — это качества, присущие различным видам количества как такового, такие, как прямизна и кривизна линий (вообще), выпуклость и вогнутость кривых линий и линий, которые соединяются, не образуя прямой линии, а также фигура и ее виды, например окружность, треугольник, квадрат и другие фигуры, находящиеся на плоскости; такие, как природная форма, которая представляет собой определенную фигуру, а именно ту, которая свойственна поверхности тела одушевленного существа, а также такие, как чет и нечет — последние тоже принадлежат к роду качества, присущего различным видам количества как такового. Сомнение может возникнуть относительно шероховатости и гладкости — подчинены ли они этому роду качества или (роду) «положение». Ведь из частей шероховатого (тела), находящихся на его поверхности, одни выше, а другие ниже, так как одни из них длиннее, а другие короче, в силу чего они и располагаются в различных плоскостях.

Части же гладкого (тела), расположенные на его поверхности, все равны между собой, поэтому они и располагаются все в одной и той же плоскости. Некоторые думают, что именно в этом заключается сущность шероховатости и гладкости, и относят поэтому их к категории «положение». Гладкое (тело) в виде шара или круга обладает тем свойством, что линии, идущие от его центра ко всем частям его поверхности, между собой равны, так что форма гладкого (тела) оказывается шарообразной или круглой. В том же случае, когда шар или круг являются шероховатыми, линии, идущие от их центра к более длинным частям их поверхности, оказываются больше тех линий, которые идут к более коротким и отступающим частям, вследствие чего получается фигура многоугольника. Некоторые под шероховатостью и гладкостью разумеют как раз эти фигуры, и тогда их относят к этому роду качества, и они здесь являются омонимами.

Равным образом возникают сомнения и относительно плотности и разреженности. Но если разреженность подобна пушистости шерсти, а плотность — ее сваленности, тогда и то и другое относятся к категории «положение». Ибо разреженность заключается в том, что части тела удалены друг от друга вследствие того, что в промежутки между ними проникают посторон-

ние тела, а плотность — в том, что его части расположены близко друг к другу вследствие того, что находящиеся в нем посторонние тела вытесняются и удаляются, а оставшиеся части сближаются или приходят в соприкосновение друг с другом. Если под плотностью подразумевается нечто подобное оледенелости воды, то она относится к качеству, ибо здесь не будет случайностью то, что посторонние тела оказываются вытесненными из нее, а части ее — сближившимися и уплотнившимися, так как объем воды, когда та леденеет, не становится меньше против прежнего — в ней лишь возникает нечто такое, чего раньше не было. Точно так же обстоит дело и с разреженностью: если она подобна растопленности льда, то она относится к качеству, ибо здесь не будет случайностью то, что части тела удалены друг от друга вследствие проникновения в него воздуха или другого какого-нибудь постороннего тела, так как количество здесь не увеличивается — скорее плотность и разреженность тела возникают подобно тому, как теплота возникает в том, что не было теплым, и холод — в том, что не было холодным. Таким образом, плотность и разреженность относятся к качеству, но не к четвертому (его) роду — скорее всего они относятся ко второму роду, поскольку плотность сходна с предрасположенностью в том, что она с трудом поддается действию, а разреженность — в том, что она легко поддается действию, ибо редкое подобно податливому, а плотное — менее податливому. Это в том случае, если не принимать во внимание твердости тел: ведь камень плотен и тверд, кристалл и стекло редки и тверды, плотные щепки плотны и не крепки, а воздух редок и не тверд.

IV. Рассуждение об отношении и соотнесенном

Отношение — это такая связь между двумя предметами, через которую можно одновременно обозначать и тот и другой предмет, сопоставляя их друг с другом. Этой связью обозначают один из (соотнесенных) предметов, сопоставляя его с другим, и точно так же — этот другой предмет, сопоставляя его с первым. Два предмета, из коих каждый обозначают, сопоставляя их друг с другом на основании той связи, носителями которой они являются, называются соотнесительными и соотнесенными. При сопоставлении их друг с другом употребляется одна из частиц связи, например «из», «к», «с» и тому подобные. Каждый из (соотнесенных) предметов необходимо имеет название, указывающее на него как на нечто такое, что находится к другому в определенного вида отношении, как, например, отец и сын: между ними имеется одна определенная связь, через которую

каждый из них обозначается, будучи сопоставлен с другим, поскольку отец есть отец сына, а сын — сын отца. То же самое отношение, взятое для обозначения одного из них, называется отцовством, а взятое для обозначения другого — сыновностью. Имя одного из них, поскольку он обозначается этой связью, — «отец», а имя другого, поскольку обозначается той же связью — «сын». Эти два слова суть противоположные (друг другу) наименования, такие же, как «раб» и «господин».

Предметы как носители отношения принадлежат ко всем другим высшим родам. Они могут принадлежать к категории количества (как, например, шесть и три: шесть есть три, взятое два раза, а три есть половина шести); они могут принадлежать и к категории субстанции (как, например, Зейд и Амр, рассматриваемые как носители отцовства и сыновности или как носители такого отношения, при котором один из них господин, а другой — раб, ибо господин и раб также входят в категорию субстанции). Но они не будут соотнесенными, если их будут брать с теми именами, которые обозначают их как нечто принадлежащее к другому роду: в этом случае при сопоставлении их друг с другом они уже не будут обозначаться через тот или иной вид отношения. Точно так же носитель цвета не будет называться цветным — ни как тело, ни как животное, ни как человек, ни как Зейд, если он не обозначается через белизну (или еще какой-нибудь вид цвета) — только в этом случае о нем можно говорить, что он белый и что он цветной.

Иногда с двумя соотнесенными предметами бывает так, что сущность их обозначают, сопоставляя их друг с другом и употребляя одну из частиц связи. Однако при определении этих предметов нельзя ограничиваться лишь этим описанием, ибо каждый из них имеет сущность, принадлежа к другому роду. Об этой сущности можно говорить как о принадлежащей предмету, сопоставляя ее с сущностью соотнесенного с ним предмета, и тогда, поскольку их берут с такой их сущностью, они уже не принадлежат к числу соотнесенного. Поэтому необходимо сказать, что соотнесенными являются такие два предмета, сущность каждого из которых как носителя определенного вида отношения обозначают, сопоставляя эти предметы друг с другом. Таким образом, определение соотнесенных предметов будет, как говорил Аристотель, достаточно удовлетворительным, если будет указано, что это такие предметы, сущность и существование которых означает быть каким-то образом соотнесенным. Когда же предметы не могут быть так определены, они не являются соотнесенными. Поэтому имена обоих предметов должны обозначать их как нечто каким-то образом соотнесенное.

К числу соотнесенного принадлежат два таких предмета, имя одного из которых как носителя определенного вида отношения

противоположно имени другого; таковы, например, «отец» и «сын», «раб» и «господин». Иногда имена (соотнесенных) предметов бывают одними и теми же, например «соучастник», «друг», «брат». Иногда имя одного из них бывает производным от имени другого, как, например, «познаваемое» — от «познания». Иногда одна только связь имеет имя, которое и служит для обозначения обоих носителей отношения, так что имена этих двух предметов, соотнесенных друг с другом благодаря этой связи, бывают производными от наименования связи; например, «обладающий» и «обладаемое» одинаково производны от «обладания», а «обладание» есть имя этого отношения.

Иногда же ни у одного из соотнесенных предметов нет общеизвестного имени, которое бы обозначало их как нечто соотнесенное; в этом случае люди употребляют те их имена, кои обозначают их как нечто принадлежащее к другому роду, присовокупляя к ним одну из частиц связи, — таково, например, высказывание: «Рука — это рука человека»², ибо «рука» так же как и «человек», не является именем, обозначающим данный предмет как нечто соотнесенное. Так же поступают в том случае, когда один из соотнесенных предметов не имеет имени, обозначающего его как нечто соотнесенное. В этом случае берется его имя, обозначающее его как нечто принадлежащее к другой категории, и связывается с соотнесенным с ним предметом, у которого есть имя, указывающее на отношение. Часто имя, указывающее на отношение, есть как у одного, так и у другого соотнесенного предмета, но тот, кто соотносит их, проявляя нерадивость или небрежность, берет не эти их имена, а те, кои обозначают их как нечто принадлежащее к другому роду. В действительности же в этих трех случаях речь не идет о (собственно) соотнесенных предметах, будет только казаться, что речь идет о них. Аристотель советует для предметов, у которых не оказывается общеизвестных имен, образовывать имена из тех (названий), кои обозначают их как нечто соотнесенное; и если есть имена, указывающие на отношение, брать именно их, дабы здесь не допускалось ни нерадивости, ни небрежности; вот тогда-то по поводу этих предметов не возникнет никакого сомнения, они будут обладать свойствами соотнесенного, и в отношении их не будет никакой неясности.

Одна из особенностей соотнесенного заключается в том, что в высказывании соотнесенные предметы находятся друг с другом в отношении взаимной обратимости, как, например, в высказываниях: «Сын — сын отца» и «Отец — отец сына». То, что существование одного предполагает существование другого

² В данном высказывании на рабском языке используется предлог (или «частица») «ли», указывающий на принадлежность.

и что они находятся в неразрывной связи друг с другом, свойственно всему тому, что действительно является парой соотнесенных предметов, имена которых, обозначающие их как нечто соотнесенное, образуются из (наименования) отношения (либо же такое имя выдумывается для того из них, который не имеет особого наименования, обозначающего его как нечто соотнесенное).

Если же тот, кто соотносит (два предмета), проявляет небрежность, то эти имена становятся неясными, как, например, в высказывании: «Раб есть раб человека», ибо здесь уже нельзя сказать: «Человек есть человек раба»; точно так же обстоит дело с высказыванием: «Руль есть руль судна», ибо нельзя сказать: «Судно есть судно руля». Если же для судна образовать имя, обозначающее его как нечто, к чему имеет отношение руль, и сказать, например: «Руль есть руль рулеуправляемого судна», то здесь обращение будет иметь место, ибо «рулеуправляемое судно» есть «рулеуправляемое» рулем. Точно так же обстоит дело и в других подобных случаях.

Одной из особенностей соотнесенных друг с другом предметов является и то, что они существуют совместно: в самом деле, раб и господин существуют вместе, так что ни один из них не существует после другого, и точно так же обстоит дело с отцом и сыном. Если предметы действительно являются соотнесенными (то есть если они отвечают тем условиям соотношения их, о которых говорилось выше), то существование одного из них предполагает существование другого, и находятся они в неразрывной связи друг с другом. Одно из условий заключается в том, чтобы брать их в одном и том же отношении, то есть чтобы оба соотнесенных предмета брать либо как потенциальные, либо как актуальные. Когда один из них берется как потенциальный, а другой — как актуальный, актуальный оказывается существующим после потенциального. Пример тому — познание и познаваемое: полагают, что то и другое не обязательно должны существовать вместе и что познаваемое существует до относящегося к нему знания — так же, как чувственно воспринимаемое — до относящегося к нему восприятия. Это бывает лишь в том случае, когда познаваемое берется как познаваемое потенциально: здесь оно предшествует нашему актуальному знанию о нем; однако оно не существует раньше или позже нашего потенциального знания о нем.

Точно так же и потенциальный предмет чувственного восприятия предшествует нашему актуальному восприятию его, но он не существует ни раньше, ни позже потенциального чувственного восприятия. Когда один из таких предметов берется как потенциальный, а другой — как актуальный, и наоборот, они не являются действительно соотнесенными, но когда они берутся

либо оба потенциальными, либо оба актуальными, они являются действительно соотносенными, и тогда ни один из них не существует ни раньше, ни позже другого.

Еще одна особенность соотносенных предметов заключается в том, что когда один из них познается исчерпывающим образом, тогда и другой необходимо познается исчерпывающим образом. Носителями отношения могут иногда быть два каких-нибудь вида, принадлежащих к другим категориям³, а иногда — две единичные вещи. Когда они — два вида, то обозначаются они одним каким-то видовым отношением, а когда они — две единичные вещи, то и обозначаются они одним каким-нибудь единичным отношением. Когда у двух видов — носителей (отношения) — есть имя, указывающее на вид их отношения, и когда один из них известен благодаря этому имени, другой, соотносенный с ним, вид также необходимо должен быть известен.

Точно так же, если оба носителя суть единичные вещи, принадлежащие к другим категориям, то если каждая из них имеет имя, указывающее на их единичное отношение, и если одна из них известна благодаря этому имени, то другая, соотносенная с нею, вещь также необходимо должна быть известна. Это ускользает от внимания, поскольку единичные отношения не имеют имен, обозначающих эти отношения как нечто единичное, так что тому, кто их соотносит, приходится обозначать их, давая им наименование вида или рода этого отношения. И тогда единичная вещь становится известна не как то, что находится в определенном единичном отношении, а как то, что обозначается через вид или род этого отношения, и в этом случае она познается как нечто соотносенное не исчерпывающим образом. А раз так, то соотносенная с ней вещь не обязательно должна быть известна. То же самое имеет место, когда носителями (отношения) являются два вида, принадлежащие к другим категориям, и когда вид их отношения не имеет никакого имени, так что тому, кто соотносит их, приходится обозначать их, давая им наименование рода этого отношения — в этом случае соотносенный (вид) становится известен потому, что обозначен через род отношения, и познается он не исчерпывающим образом. А раз так, то соотносенный с ним вид не обязательно должен быть известен.

Точно так же обстоит дело, когда берутся те имена предметов, которыми они называются потому, что принадлежат к другому роду. Так бывает со многими соотносенными предметами, имеющими общеизвестные имена, и тогда о них думают, будто они не соотносены друг с другом, а о многих несоотносенных вещах — будто они соотносены друг с другом.

³ То есть не к категории отношения.

Ибо отношения могут быть между многими предметами, принадлежащими, (например), к видам и родам качества, и случается так, что наименование данного вида (или рода) качества Оказывается его наименованием как принадлежащего к соотносенным вещам, в то время как имени, обозначающего его как качество, у него не имеется. Поэтому имя, обозначающее его как нечто принадлежащее к соотносенным предметам, рассматривается и как имя, обозначающее его как качество, и тогда имена видов данного рода оказываются такими именами, которые обозначают эти виды не как нечто принадлежащее к соотносенным предметам, а как качество. Между тем о роде этих видов думают, будто он принадлежит к отношению, а не к качеству, и будто виды его принадлежат к качеству, а не к отношению. И тогда здесь возникает сомнение, и люди начинают удивляться: каким образом род принадлежит к отношению, а его виды подчинены другой категории? Причина же этого заключается в путанице, внесенной в имена теми, кто их выдумал. Если бы у этого рода было два имени: одно, обозначающее его как качество, и другое, обозначающее его как соотносенный предмет, и если бы так же обстояло дело и с видами его, то не возникло бы никакого сомнения. То же самое можно сказать и о прочих категориях, с которыми случается нечто подобное, таких, как субстанция, положение и другие.

V. Рассуждение о категории «когда?»

«Когда?» — это отношение вещи к определенному отрезку времени, который сопутствует существованию вещи и границы которого совпадают с границами ее существования, или же к такому определенному отрезку времени, часть которого (занимает) существование вещи. «Когда?» не обозначает ни времени как такового, ни сочетания субстанции и времени, как полагали некоторые. Обычно люди это выражение употребляют в качестве вопроса, задаваемого относительно некоторой вещи и касающегося ее определенного времени. Логика рассматривает «когда?» как имя, обозначающее нечто такое, благодаря чему можно ответить на вопрос: «Когда была или будет данная вещь?»

Определенное время — это то, которое определено соответственно его отстоянию от «теперь» либо в прошлом, либо в будущем, и это — либо через имя, под которым оно известно и которое указывает на его отстояние от «теперь» в прошлом или будущем (в прошлом — как, например, «вчера», «позавчера», «в прошлом году», «в позапрошлом году», «год назад», «два года назад»; в будущем — как, например, «завтра» или «послезавтра»,

«в будущем году», «через год», «через два года»), либо через событие, из которого известно его отстояние от «теперь» (как, например, «при царе Геракле») или «во время такой-то войны»).

Определенное время, в течение которого существует вещь, является либо первым, либо вторым, включающим первое. Первое время — это то, которое сопутствует существованию вещи, совпадает с ним и неотделимо от него. Второе время вещи — это большее время, частью которого является первое время; так, например, битва происходит в известный день какого-то месяца определенного года и ей сопутствуют шесть часов этого дня, так что эти часы будут как раз ее первым временем, а день, месяц и год — ее вторым временем. Поэтому о битве говорится, что она была в таком-то году, поскольку произошла она в определенный месяц этого года, а в этот месяц она произошла потому, что произошла в определенный день этого месяца, а в этот день она произошла потому, что продолжительность ее совпадает с шестью часами этого дня. Одним словом, о вещи говорится, что она существует какое-то большее время потому, что она существует в части этого большего времени — и так далее, вплоть до такого (отрезка) времени, границы которого совпадают с границами существования этой вещи и который не превышает (продолжительность) ее существования. Вопрос «когда?» может быть задан относительно границ существования вещи, так что ответом на него будет указание либо на его начало (как, например, на вопрос: «Когда родился такой-то?» — отвечают: «В такое-то время»), либо на его конец (как, например, на вопрос: «Когда умер такой-то?» — отвечают: «В такое-то время»). Это и подобное этому составляют виды, относящиеся к тому роду, который называется «когда?»

Сопутствование времени существованию вещи — это не то же самое, что измерение времени ее существования. Время, измеряющее существование вещи, принадлежит к (категории) «сколько?» Например, когда на вопрос: «Сколько жил такой-то?» — отвечают: «Сто лет», последнее и есть то время, которое измеряет его существование. Однако время, совпадающее с (продолжительностью) существования вещи, может быть использовано для измерения ее существования, поскольку, например, можно сказать, что война продолжалась столько-то месяцев того года, в который она произошла.

Разница между совпадающим и измеряющим (временем) заключается в том, что совпадающее (время) может быть также границами времени, а измеряющее может быть только временем. Равным образом сопутствующее время бывает только временем, поскольку сопутствующее и измеряющее время бывают чем-то делимым; совпадающее же время может быть и неделимым, ибо граница времени неделима.

VI. Рассуждение о категории «где?»

«Где?» — это отношение тела к своему месту. Это и не место, и не сочетание тела и места. Словом, это нечто такое, благодаря чему можно ответить на вопрос: «Где находится данная вещь?» — как, например, когда мы говорим: «В помещении», ибо «где?» — это не помещение, а то, что понимается под выражением «в помещении»: частица «в» указывает здесь на отношение к помещению. Всякое природное тело имеет один из видов «где?» — его имеют и человек, и прочие виды животных, и различные виды растений и камней, и остальные предметы, существующие в мире. Однако из числа различных «где?» некоторые уясняются сразу созерцанием, а многие — лишь благодаря доказательству и сопоставлению. Каждое тело имеет первое, свойственное только ему «где?» и некоторые «где?», общие ему и другим телам, из коих одни меньше и ближе к первому «где», а другие больше и дальше от него. Примером здесь может служить Зейд, первое «где?» которого есть выем, образовавшийся в воздухе того помещения, в коем он находится. Таким образом, он находится и в некотором помещении данного дома, и в некотором доме данного города, и в некотором городе данной страны, и в некоторой стране, составляющей часть обитаемого мира, и в обитаемой части земли, и на земле, являющейся частью вселенной, и во вселенной. Все это — разные «где?», и имеется в виду лишь то, что он находится в более общем, потому что он находится в более частном — вплоть до его самого частного места, то есть до равной ему (по объему) части помещения, в коем он находится, каковой является тот выем в воздухе, который совпадает с приходящейся на него поверхностью.

К видам «где?» относятся то, что представляет собой «где?» само по себе, и то, что представляет собой «где?» по отношению к чему-нибудь. То, что есть «где?» само по себе, — это, например, то, что имеют в виду, говоря: «в доме», «в помещении», а то, что есть «где?» по отношению к чему-нибудь, — это то, что имеют в виду, говоря: «над», «под», «выше», «ниже», «правее», «левее», «перед», «за», «вокруг», «среди», «между», «близ», «у», «при», «на» и тому подобное. Однако если тело не имеет «где?» самого по себе, то у него нет и «где?» по отношению к чему-либо.

VII. Рассуждение о положении

Положение — это когда определенные части тела противостоят определенным частям места, в котором оно находится, или совпадают с ними. Положение занимает каждое тело, ибо

каждое тело имеет «где?» соответственно определенному положению. К примеру: человек занимает много видов положения — такие, как стояние на ногах, сидение, стояние выпрямившись, лежание на боку, сидение откинувшись, лежание ничком, лежание вверх лицом. И определенные части тела — такие, как голова, спина, плечи и другие, — каждая в отдельности находится в каком-нибудь из этих положений, противостоя известной части того места, в котором человек находится, или совпадая с ней, а когда положение его меняется, те же самые части оказываются противостоящими другим частям места. А может быть и так, что место меняется, а положение не меняется, тогда части тела будут противостоять в новом месте таким же частям, каким они противостояли в прежнем месте. Так же бывает и с прочими животными и растениями, равно как и с телами, имеющими однородные части.

Занимать определенное положение в пространстве — это не значит, что данное тело занимает (определенное) положение относительно другого тела, ибо его положение в пространстве определяется отношением не к другому телу, а к самому себе. Что же касается его положения относительно другого тела, то оно определяется отношением к этому другому телу, когда их взаимное отношение отвечает четырем условиям, упомянутым в рассуждении о количестве, то есть: если они существуют вместе; если одно из них находится в некотором направлении по отношению к другому телу; если направление это определенное (так, чтобы на него можно было указать жестом или словом) и если определено, каким является противостоящее ему тело. Всему, что занимает положение в пространстве, свойственно занимать определенное положение и относительно другого тела, ибо тела в мире, сходясь или расходясь друг с другом, как бы составляют части этого мира как целого. Тела бывают расположены относительно друг друга сообразно с теми степенями мест, которые они занимают относительно друг друга. Равным образом и части любого тела располагаются относительно друг друга сообразно с их степенями в теле. И тогда положение, которое тело занимает относительно самого себя, свойственно ему в том его «где?», которое представляет собой «где?» само по себе, а положение, которое тело занимает относительно другого тела, свойственно ему в том его «где?», о котором говорится, что оно соотносено с чем-то. Поскольку же места имеют две разновидности — те, что существуют сами по себе, и те, что существуют, будучи соотносены с чем-то, — то и положение соответственно с этим бывает двух разновидностей — то, которое существует само по себе, и то, которое существует по отношению к чему-то. Только если тело не занимает положения самого по себе, то у него нет и положения по отношению

к чему-то. Поскольку же то место, которое существует само по себе, а не по отношению к чему-то, имеет две разновидности: одно — первое и свойственное только данному телу, и другое — второе, общее для него и для других тел, то и положение его оказывается соотношенным то с первым, свойственным только ему местом, то со вторым, общим для него и для других тел местом, вплоть до окраин вселенной.

VIII. Рассуждение о категории обладания

Обладание — это такое отношение одного тела к другому, примыкающему к нему или к части его, при котором с перемещением первого тела перемещается и второе, как, например, ношение одежды, обуви, оружия: ношение одежды указывает на такое отношение одного тела к некоторому другому телу, примыкающему к его поверхности, когда второе тело перемещается при перемещении первого тела; ношение обуви также указывает на подобное отношение между телами, хотя оно касается лишь части тела; так же обстоит дело и с ношением оружия. К видам обладания относится и естественное обладание (например, когда речь идет о шкуре животного или о коре дерева) и произвольное (например, ношение одежды). Что же касается нахождения воды в сосуде — и вообще нахождения определенного тела в определенном месте, — то это уже не принадлежит к роду «обладание», ибо сосуд не перемещается при перемещении содержащейся в нем воды; дело в данном случае обстоит как раз наоборот — здесь вода перемещается при перемещении сосуда. То же самое можно сказать и о вине в бурдюке и о воде в мехах, ибо как в том, так и в другом случае мы имеем дело не с категорией обладания, а с категорией «где?»

IX. Рассуждение о категории претерпевания

Претерпевание — это переход субстанции от чего-то одного к чему-то другому и превращение ее из чего-то одного в нечто другое. Пока субстанция продолжает непрерывно двигаться между этими двумя «нечто», о ней говорят как о подвергающейся действию. Движение это может совершаться от одного качества к другому, как, например, переход тела от черноты к белизне, то есть побеление, или переход его от холода к теплоте, то есть нагревание, — все это относится к роду «претерпевание». То, что было в субстанции вначале, понемногу, мало-помалу у нее утрачивается, и это продолжается непрерывно до тех пор, пока

движение субстанции не прекращается. И все время, пока субстанция подвергается действию, она состоит из неопределимых частей того, что в ней возникает, и того, что у нее утрачивается.

Так, если взять нечто нагревающееся, то окажется, что при движении его к теплоте в нем непрерывно, одна за другой возникают части теплоты и одна за другой утрачиваются части холода. Но пока подвергание действию продолжается, невозможно здесь определить ни то, какая часть теплоты в нем возникла и какова ее величина, ни то, какая часть холода у него исчезла и какова ее величина. Ибо всякий раз, как тебе захочется определить ту часть теплоты, которая в нем уже возникла, или ту часть холода, которая у него уже исчезла (или величину ее), ты обнаружишь, что данной части (и данной величины) у него уже нет. И так будет до тех пор, пока это нечто не дойдет до конечного состояния и не прекратит движение, — и вот тогда-то ты сможешь определить, какая часть (тепла) возникла (и какова достигнутая ею величина).

Нет никакой разницы, говорим ли мы «претерпевает» или «изменяется» и «движется». Виды данного рода суть виды движения, а именно: возникновение, уничтожение, рост, убыль, превращение и перемещение. Возникновение — это переход от небытия телом к становлению телом или от небытия субстанцией к становлению субстанцией, а уничтожение — это переход от бытия телом к становлению не телом или от бытия субстанцией к становлению не субстанцией. Примером может служить то, как возникает дом, как он постепенно, мало-помалу, часть за частью непрерывно воздвигается, пока не становится домом. То же самое можно сказать и о корабле, и о стекле: у каждой из этих вещей мало-помалу непрерывно утрачивается то изначальное, (из чего исходит движение), и возникает то, чем (оно становится), так что данная вещь находится в непрерывном мало-помалу совершающемся изменении. Рост — это изменение тела во всех его частях от меньшей величины к большей, а убыль — это изменение тела во всех его частях от большей величины к меньшей. И то, и другое есть количественное изменение. Превращение — это изменение от одного качества к другому, как, например, изменение от холода к теплоте или от черноты к белизне. Перемещение — это изменение от одного «где?» к другому «где?», как, например, изменение от «внизу» к «наверху» или от «направо» к «налево» и в прочих направлениях. В видах претерпевания существуют противоположности: так, движение сверху вниз противоположно движению снизу вверх, а движение от холода к теплоте противоположно движению от теплоты к холоду; равным образом убыль противоположна росту, а уничтожение — возникновению.

Х. Рассуждение о действии

Действие же заключается в том, что действитель непрерывно переходит от одного отношения к частям того, что возникает в подвергающейся действию вещи, к другому отношению. Ибо действитель — это то, благодаря чему в претерпевающем теле мало-помалу, часть за частью непрерывно возникает то, во что переходит претерпевающее.

Таким образом, отношение действителя к любой возникающей части (того, что подвергается действию), отличается от его отношения к другой (его) части, поскольку он является действителем для каждой из них, и он непрерывно переходит от одного отношения к нескольким частям того, что подвергается действию, к другому отношению, так же как подвергающееся действию переходит от одних частей того, что в нем возникает, к другим частям.

Нагревающее тело, например, когда оно нагревает то, что подвергается нагреванию, находится в некотором отношении с несколькими частями теплоты, возникающей в том, что нагревается. Как нагревающееся непрерывно переходит от одной части теплоты к другой, так и нагревающее переходит от отношения к первой части теплоты к отношению ко второй части, причем от одного отношения к другому оно переходит непрерывно — так, что движение его через отношения, в которых оно находится с частями теплоты, может прерваться лишь с прекращением движения через части теплоты того, что нагревается.

Род «действие» имеет столько же видов, что и род «претерпевание», ибо каждому виду изменения и движения соответствует какой-нибудь вид подвергания изменению и приведения в движение: когда нечто одно нагревает, нечто другое нагревается; когда нечто одно охлаждает, нечто другое охлаждается; когда нечто одно переносит, нечто другое переносится; когда нечто одно растит, нечто другое растет; когда нечто одно вызывает возникновение, нечто другое возникает; когда нечто одно уничтожает, нечто другое уничтожается. То же самое относится и к нижестоящим видам: когда нечто одно строит, нечто другое строится; когда нечто одно режет, нечто другое режется; когда нечто одно сжигает, нечто другое сжигается. Как противоположности существуют в видах претерпевания, точно так же они существуют и в видах действия: так же как «быть разрушаемым» противоположно «быть воздвигаемым», так и «разрушать» противоположно «воздвигать», и так же как «быть нагреваемым» противоположно «быть охлаждаемым», так и «охлаждать» противоположно «нагревать», — и так обстоит дело с прочими подобными видами.

Таковы высшие роды, охватывающие все чувственно воспринимаемые вещи. Это самые общие понятия чувственно воспринимаемых вещей. Эти роды и подчиненные каждому из них виды можно рассматривать как понятия чувственно воспринимаемых вещей и как подобия последних в душе. Когда их рассматривают именно так, они — нечто умопостигаемое, но не логическое. Когда же их берут как универсальные понятия, дающие знание о чувственно воспринимаемых вещах, и как то, что обозначается высказываниями, то они являются логическими и называются категориями. В таком случае у понятий существующих вещей бывают два отношения: одно — к единичным вещам и другое — к высказываниям, и благодаря этим двум отношениям они становятся логическими.

Равным образом, когда их берут так, что они суть по отношению друг к другу нечто более общее и нечто более частное, или когда их берут либо в качестве сказуемого, либо в качестве подлежащего, или когда их берут как определяющие друг друга одним из упомянутых выше способов (а именно — они определяют: что есть данная вещь и какова она), тогда они являются логическими. Когда же они берутся отвлеченными от всех этих определений, будучи приняты как понятия существующих вещей, тогда они относятся к науке о природе, геометрии или к другому какому-либо умозрительному искусству, и категориями в таком случае их не называют.

Необходимо сказать здесь кое-что нужное о том, что связано с категориями: о надлежащем сказуемом и о сказуемом ненадлежащем; о том, что такое сущностно и что такое акцидентально; о противоположащих друг другу предметах; о чем-то одном, что следует из чего-то другого; о том, что значит «предшествующий», «последующий» и «вместе».

С надлежащим сказуемым мы имеем дело тогда, когда высшие роды, кроме субстанции, и их виды берутся как сказуемые субстанций, видов субстанций или единичных субстанций, а субстанция, виды субстанций или единичные субстанции берутся в суждениях как подлежащие для остальных категорий, как, например, когда мы говорим: «Человек бел» — и тому подобное. С ненадлежащим сказуемым мы имеем дело тогда, когда субстанция или какой-нибудь из ее видов или единичная субстанция является сказуемым для какого-нибудь из остальных высших родов, их видов или относящихся к ним единичных вещей, как, например, когда мы говорим: «Белое — это животное» — или: «Этот стоящий — Зейд»; или же мы с ним имеем дело тогда, когда нечто единичное берется как сказуемое для чего-то универсального, как, например, когда мы говорим: «Человек — это Зейд».

XI. Рассуждение о том, что значит «сущностно» и что значит «акцидентально»

«Нечто сущностно» в определенной вещи или из-за нее, или для нее, или из нее, или к ней, или от нее, или у нее, или на ней, или вместе с ней говорится в том случае, когда либо в его природе быть соотносенным с этой вещью, либо в природе вещи находиться с ним в одном из перечисленных видов отношения, либо же это в природе и того и другого вместе.

«Акцидентально» же говорится тогда, когда нечто находится с вещью в одном из перечисленных видов отношения, но это не в природе ни этого «нечто», ни этой вещи, то есть это может иметь место лишь по совпадению, например когда режут животное и это (во времени) совпадает с блеском молнии или восходом солнца, ибо о смерти (животного) говорят, что она наступила при резаньи, от резаньи или из-за резаньи, а также при восходе солнца или при молнии или после нее, хотя наступает она от резаньи, при резаньи, из-за резаньи сущностно, а при молнии или после нее, равно как при восходе солнца или после него, — акцидентально.

XII. Рассуждение о противоположащих друг другу вещах

Противолежащими бывают такие две вещи, которые не могут быть вместе в одном и том же носителе в одном и том же отношении в одно и то же время. Противолежащие друг другу вещи бывают четырех видов, это — соотносенные вещи, противоположные вещи, лишение и обладание, утверждение и отрицание.

Соотносенные вещи — такие, как отец и сын, — противоположат друг другу потому, что один какой-нибудь человек, например, не может быть в одно и то же время в одном и том же отношении и отцом и сыном, так, чтобы быть отцом кого-нибудь и его же сыном (то же самое можно сказать о рабе и господине и прочих соотносенных вещах). О том же, что понимается под соотносенными вещами и каковы их свойства, говорилось выше.

Противоположными являются такие две вещи, которые дальше всего отстоят друг от друга в бытии и каждая из которых, отличаясь от другой, занимает по отношению к ней самое крайнее положение; причем обе такие вещи подчинены одному и тому же роду, и обеим им соответствует один и тот же носитель. Противоположности бывают двух видов: в одном случае между ними нет ничего среднего, например чет и нечет, а в другом случае между ними есть нечто среднее, например между

белизной и чернотой, теплотой и холодом. При этом те противоположности, между которыми есть нечто среднее, бывают либо естественными, всегда существующими у одних вещей и не всегда — у других (например, теплота и холод, поскольку теплота постоянно присутствует в огне, а холод — во льду, в то время как в камне, железе или воде они существуют не всегда), либо существующими у определенной вещи лишь иногда (например, стояние и сидение, справедливость и несправедливость).

Промежуточные (звенья) между двумя противоположностями, между которыми есть нечто среднее, отличаются от обоих крайних членов. У промежуточных (звеньев) могут быть особые имена, как, например, у цветов, средних между белым и черным: они имеют такие имена, как «зеленое», «красное», «пепельно-серое», «иссиня-серое», и прочие. Но у них может и не быть особых имен, и тогда они выражены через отрицание обоих крайних членов. Иногда же они могут быть выражены через соединение обоих крайних членов, поскольку в промежуточном (звене) имеется кое-что от каждого из двух крайних членов (но не весь он целиком). Там, где ты отрицаешь оба крайних члена, каждый из них отрицается целиком, а там, где ты их утверждаешь, утверждается тобой кое-что от каждого из них.

Носитель промежуточного (звена) между крайними членами — один и тот же, и наличие чего-то среднего между двумя противоположностями отнюдь не означает, что один крайний член находится, как полагают некоторые, в какой-то части тела, отличной от той части, в которой находится другой крайний член. Ибо, когда крайние члены находятся в двух различных частях, последние бывают разными носителями, и эти носители останутся разными, все равно, будут ли они в одном теле или в двух телах, поскольку безразлично — близко они расположены друг от друга или далеко. Если бы в какой-то одной вещи необходимо существовало то, что находится посередине между двумя противоположностями, когда оба крайних члена находятся в двух различных частях ее, то число девять, например, не было бы ни четным, ни нечетным, оно было бы чем-то средним между четным и нечетным, поскольку одни части девяти были бы четными, а другие — нечетными. Когда существует нечто относящееся к двум вещам, между которыми есть промежуточное (звено), обе эти вещи должны находиться в нем, как, например, четное и нечетное, каждое из которых должно быть числом. Когда ни одна из двух противоположностей, между которыми имеется промежуточное (звено), по природе не присуща какому-нибудь носителю, он может быть лишен их обеих (так, например, вода, поскольку теплота и холод не обязательно должны всегда в ней присутствовать, в некоторых случаях бывает и не теплой, и не холодной), и присуще ему будет нечто

среднее между ними. Но когда одна из них присуща некоторому носителю по природе, как, например, влажность в воде, холод во льду и теплота в огне, он (никогда) не лишен ее.

Противоположности иногда могут принадлежать к одному ближайшему роду, как, например, белизна и чернота, подчиненные (роду) «цвет», а иногда к роду таких двух противоположностей, которые являются промежуточными видами, подчиненными одному роду, как, например, справедливость и несправедливость: справедливость принадлежит к (роду) «добродетель», а несправедливость — к (роду) «порок», между тем как добродетель и порок относятся к (роду) «свойство».

Лишение бывает нескольких видов. Один вид — (в том случае), если в носителе не существует того, чему надлежит существовать в нем в то самое время, когда ему надлежит существовать, и если, однако, возможно, что оно будет существовать в носителе потом, в какой-нибудь момент в будущем, подобно тому, как, например, обстоит дело с зажиточностью и бедностью. Другой вид — (в том случае), если в носителе не существует того, чему надлежит в нем существовать в то самое время, когда ему надлежит существовать, и если, однако, существование его в носителе в будущем невозможно, подобно тому, как, например, обстоит дело со слепотой и плешивостью. Еще один вид — если в носителе не существует того, чему надлежит в нем существовать в то самое время, когда ему надлежит существовать, и именно так, как ему надлежит в нем существовать, подобно тому, как, например, обстоит дело с косостью в глазу и параличом конечностей. Такие противоположности противолежат (тому, что должно существовать в носителе надлежащим образом), ибо они несовместимы в одном носителе в одно и то же отношение в одно и то же время. С лишением и обладанием дело обстоит так же, как со зрением и слепотой, бедностью и зажиточностью (или богатством).

Подобным же образом обстоит дело с противолежащими друг другу утверждением и отрицанием. Они имеют одно и то же подлежащее и одно и то же сказуемое, остальные условия — это те, кои я упомянул в этом рассуждении, ибо утверждение и отрицание одного и того же несовместимы в простом суждении об одном и том же носителе в одно и то же отношении и в одно и то же время. Так, например, «белое» и «не белое» не могут быть присущи одному и тому же лицу (например, Зейду) или быть утверждаемы о нем как нечто истинное в одно и то же время и в одно и то же отношении. Равным образом, когда «белое» и «не белое» утверждаются как нечто истинное относительно чего-то всеобщего неопределенным образом, без указания количества, истинными они будут в отношении этого всеобщего лишь в одном каком-нибудь смысле, как,

например, в высказываниях «человек бел» и «человек не бел». Неопределенное отрицательное суждение высказывается как истинное относительно одной части своего подлежащего, не будучи высказываемо относительно другой его части, о которой как истинное высказывается соответствующее ему неопределенное утвердительное суждение, так что в действительности у них оказывается два подлежащих.

Точно так же обстоит дело с высказыванием двух подпротивных суждений как истинных: из этих двух суждений отрицательное высказывается как истинное относительно некоторой части своего подлежащего, не будучи высказываемо относительно другой его части, о которой как истинное высказывается соответствующее ему утвердительное суждение, как это имеет место в суждениях «некоторые люди белы» и «некоторые люди не белы», ибо «белы» высказывается как истинное относительно одной части людей, но не относительно другой части, о которой как истинное высказывается «не белы».

Что касается противоречащих и противоположных суждений, то как те, так и другие являются противоположными, поскольку ни те, ни другие не совместимы в высказывании чего-то как истинного относительно какого-нибудь из их подлежащих. Что же касается случая, когда оба противоположных суждения о возможном ложны, то это не значит, что одно из них не противостоит другому, поскольку среди противоположных друг другу (признаков) бывают такие, которых подлежащее может быть лишено, а именно в том случае, когда это два исключаящие друг друга термина, между которыми есть нечто среднее. Их одновременное существование также не означает, что один из них не противостоит другому. Их совместное существование как возможное равным образом не означает, что противоположные суждения не противостоят друг другу. Ясно, что в каждой паре противоположных суждений одно из них является утвердительным, а другое — отрицательным, что как в одном, так и в другом суждении соблюдаются упомянутые условия и что суждения эти противостоят друг другу.

Разница между соотнесенными вещами и другими противоположными друг другу вещами заключается в том, что если существует одна из соотнесенных вещей, то необходимо существует и другая: так, если существует сын, то необходимо должен существовать и отец. С прочими противоположными друг другу вещами дело обстоит не так. Если в каком-нибудь носителе существует белизна, то из этого не следует с необходимостью существования черноты в этом или в каком-нибудь другом носителе, и точно так же обстоит дело с прочими противоположностями. То же самое можно сказать об обладании и лишении, как, например, о зрении и слепоте, незнании и

знании, зажиточности и бедности. Так, если какое-нибудь животное является зрячим, то из этого не следует с необходимостью наличие слепоты в этом или в каком-нибудь другом животном. Например, о животном, известном под названием «крот», нельзя сказать, что оно слепо, потому, что у него нет зрения; ведь условием лишения является отсутствие в носителе того, что по природе ему присуще, а кроту не присуще обладать зрением, и поэтому состояние, в котором он находится, не является слепотой. Равным образом, потеря зрения не следует с необходимостью из того, что животное — зрячее.

Подобным же образом обстоит дело с противоположными друг другу суждениями. Ибо из истинности утвердительного суждения не следует с необходимостью истинность отрицательного суждения. Это ясно видно в соединительных и в противоречащих суждениях, а также в подпротивных, когда они суждения о необходимом и невозможном. Что же касается (суждений) о возможном, то при поверхностном рассмотрении может казаться, будто высказывание «некоторые люди белы» означает, что некоторые из них не белы, а высказывание «не все люди белы» — что некоторые из них белы. Но это вовсе не необходимо: высказывание «не все люди белы» просто исключает белизну у некоторых людей, но о прочих людях здесь не высказывается никакого суждения — ни утвердительного, ни отрицательного, и неизвестно, приписывается ли им белизна или нет. То, что из отрицания белизны в отношении некоторых людей не следует с необходимостью истинность приписывания белизны некоторым другим людям, можно доказать, если мы выделим среди людей таких, в отношении совокупности которых истинным является отрицание белизны, как, например, в отношении негров наше высказывание будет истинным, так как нет ни одного белого негра, и высказывание «не все негры белы», или «некоторые негры не белы» будет так же истинным, как общеприцательное суждение. И если бы из высказывания «некоторые негры не белы» с необходимостью следовало, что среди них есть и белые, то это не было бы истинным в отличие от общеприцательного суждения, ибо общеприцательное суждение противоречит частноутвердительному суждению, которое, как полагают иные, следует из частноотрицательного суждения.

Разница между лишением и противоположностями заключается в том, что каждая из двух противоположных друг другу вещей действительно существует, так что, если одна из них устраняется из носителя, в последнем вместо нее появляется ее противоположность и устранение в нем первой из упомянутых противоположностей оказывается связанным с существованием вместо нее второй.

Что же касается лишения, то оно не заменяет в носителе устраненное. Это — утрата чего-то и его устранение из носителя без замены его чем-то другим. Примерами могут служить зажиточность, бедность, плешивость и тому подобно.

Очевидна также разница между противлежащими друг другу утверждением и отрицанием, с одной стороны, и прочими противлежащими друг другу вещами — с другой: утверждение, равно как и отрицание, является суждением, то есть высказыванием, состав которого тождествен составу предложения, и каждое из них бывает либо истинным, либо ложным. Что же касается прочих противлежащих друг другу вещей, то среди них нет ничего, что было бы истинным или ложным, ибо каждая из них есть нечто единичное, а единичное не может быть ни утверждаемо как истинное, ни отрицаемо как ложное — будет ли это единичное чем-либо умопостигаемым или чем-то получившим словесное выражение. Единичность каждой из других⁴ противлежащих друг другу вещей не означает, что одни из них не противостоят другим.

Так, например, обстоит дело с белизной и чернотой: единичность каждой из них не означает, что они не противостоят друг другу (и точно так же обстоит дело со слепотой и зрением, отцовством и сыновностью), в то время как утверждение и отрицание оказываются уже не противлежащими друг другу, когда они представляют собой две единичные вещи или два отдельных слова. То и другое оказываются противлежащими друг другу только в том случае, когда они нечто составное. Равным образом вещи, производные от противлежащих друг другу вещей, сами противостоят друг другу, как, например, белое и черное, — когда речь идет о противоположностях, слепой и зрячий — когда речь идет о лишении и обладании, отец и сын — когда речь идет о соотнесенных вещах. Но и здесь в самих этих вещах нет ничего ни истинного, ни ложного, ибо все это также представляет собой отдельные слова и единичные вещи.

Кроме того, среди противлежащих друг другу суждений бывают такие, из которых одни истинны, а другие ложны, в то время как среди других противлежащих друг другу вещей не существует ни одной пары вещей, из которых одна была бы истинной, а другая ложной, ибо все они также являются единичными вещами. Но суждения, сказуемыми которых являются прочие⁵ противлежащие друг другу вещи, обязательно должны быть либо истинными, либо ложными, как, например, высказывания: «Зейд бел», «Зейд черен», «Зейд слеп», «Зейд — зря-

⁴ То есть кроме утверждения и отрицания.

⁵ То есть кроме утверждения и отрицания.

чий», «Зейд — отец», «Зейд — сын». Последние подобны противоположам друг другу утвердительным и отрицательным суждениям. Так же дело обстоит, когда подлежащие этих суждений берутся как нечто всеобщее, как, например, в высказываниях: «человек бел», «человек черен», а также в (высказываниях) о прочих противлежащих друг другу вещах. Точно так же обстоит дело, когда сочетают такие подлежащие с противоположностями, как, например, в высказываниях: «Всякий человек бел» и «всякий человек черен», «всякий огонь горяч» и «всякий огонь холоден», а также в таких высказываниях, как «всякий человек бел» и «некоторые люди черны», «всякий огонь горяч» и «некоторые огни холодны», так что они будут сходны с противоположными суждениями, а эти — с противоречивыми. Равным образом высказывания: «Некоторые люди белы» и «некоторые люди черны», «некоторые огни горячи» и «некоторые огни холодны» — сходны с подпротивными суждениями.

Может казаться, будто способность каждого вида этих суждений разделять истину и ложь тождественна способности подобных им противлежащих друг другу утвердительных и отрицательных суждений. Так, например, может казаться, будто в каждой паре высказываний: «Зейд бел» и «Зейд черен», «Зейд — добрый» и «Зейд — злой» — одно высказывание истинно, а другое ложно, как это имеет место в противлежащих друг другу единичных утвердительных и отрицательных суждениях, таких, как «Зейд бел» и «Зейд не бел», «Зейд — добрый» и «Зейд — не добрый».

В действительности же дело обстоит не так: единичные суждения, имеющие в качестве своих сказуемых противоположности, разделяют истину и ложь в том случае, если их подлежащие — (реально) существующие вещи; если же их подлежащие не являются реально существующими вещами, все эти суждения оказываются ложными. Так, наши высказывания «Зейд бел», «Зейд черен», «Зейд — добрый», «Зейд — злой» будут разделять истину и ложь в том случае, если этот самый Зейд существует; если же он не существует, все эти суждения окажутся ложными. Что же касается наших высказываний: «Зейд — добрый» и «Зейд — не добрый», то одно из них истинно, а другое ложно, существует ли Зейд или нет. То же самое можно сказать и о прочих противлежащих друг другу единичных утвердительных и отрицательных суждениях. Так же обстоит дело и с теми из имеющих в качестве сказуемых противоположности суждений, которые сходны с противоречивыми суждениями, каковы, например, высказывания о необходимом и невозможном: «Всякий огонь горяч» и «некоторые огни холодны» и о возможном: «всякий человек бел» и «некоторые

люди черны». Все эти суждения разделяют истину и ложь, если их подлежащие — нечто существующее; если же подлежащие не являются чем-то существующим, то все эти суждения ложны.

Что же касается утвердительных и отрицательных суждений, подобных этим противоречащим суждениям, то они разделяют истину и ложь, независимо от того, существуют их подлежащие или нет, как, например, когда мы говорим: «Всякий огонь горяч», «не всякий огонь горяч», «всякий человек бел», «не всякий человек бел». Высказывания: «Мир сотворен» и «мир извечен», если мир не существует, оба ложны. А из высказываний «все миры сотворены» и «не все миры сотворены» одно истинно, а другое ложно, независимо от того, существует мир или нет. Точно так же обстоит дело с суждениями, подобными противоположным суждениям, сказуемыми которых являются противоположности, как, например, с высказываниями: «Всякий огонь горяч», «всякий огонь холоден», «всякий человек бел», «всякий человек черен», ибо (суждения), подобные противоположным утвердительным и отрицательным суждениям о необходимом и невозможном, одним из которых свойственно быть истинными, а другим — ложными, таковы, что в одном случае — когда их подлежащие не (обозначают) чего-то существующего — они ложны, а в другом случае одни из них истинны, а другие ложны даже тогда, когда их подлежащие не (обозначают) чего-то существующего.

Точно так же обстоит дело с подобиями подпротивных суждений, как, например, когда мы говорим: «Некоторые огни горячи», «некоторые огни холодны», «некоторые люди белы», «некоторые люди черны»; все эти суждения оказываются ложными, если их подлежащие (обозначают) то, что не существует. То же самое относится и к неопределенным суждениям. Некоторые противоположности присущи только определенным носителям, отличительными свойствами которых они являются, как, например, чет и нечет присущи числам, прямызна и кривизна — линиям. Ибо если они взяты в чуждых для них носителях, то соответствующие суждения будут ложными даже в том случае, если сами носители существуют, как это имеет, например, место в высказываниях: «Всякая белизна нечетна», «всякая белизна четна», «всякая теплота — прямая», «всякая теплота — кривая». Когда же они утверждаются и отрицаются, соответствующие суждения разделяют истину и ложь, как, например, в суждениях: «Всякая белизна нечетна», «всякая белизна не четна» или «ни одна белизна не четна», а также «всякая теплота — кривая», и «всякая теплота — не кривая». Противоположные термины, между которыми есть нечто среднее, могут все быть ложными в отношении своих носителей, поскольку не исклю-

чено, что в последних будет нечто из того, что находится посредине между этими терминами. Поэтому если установлено, что существуют такие утвердительные суждения, сказуемые которых являются противоположными терминами, имеющими силу противоположащих друг другу утвердительных и отрицательных высказываний, то эти противоположные термины необходимо брать для тех носителей, отличительными свойствами которых они являются, а самих носителей брать существующими так, чтобы ни один из них не был без той из противоположностей, которая ему присуща. И если в этом случае брать подобия противоположащих друг другу утвердительных и отрицательных высказываний, то они займут свое место и будут утверждаться как истинные и отрицаться как ложные там, где утверждаются как истинные и отрицаются как ложные противоположащие друг другу утвердительные и отрицательные высказывания, разделяя, таким образом, истину и ложь там, где их разделяют последние, как, например, высказывания «всякое число — четное» и «всякое число — нечетное»; эти два суждения имеют ту же силу, что и высказывания «всякое число четно» и «ни одно число не четно»; поэтому они и оказались ложными так же, как последние два суждения.

Из высказываний: «Все тройки — нечетные числа» и «все тройки — четные числа» — если тройка существует — одно истинно, а другое ложно, так же как высказывания: «Все тройки нечетны» и «ни одна тройка не нечетна». Высказывания: «Некоторые числа нечетны» и «некоторые числа четны», если то, что (обозначается) их подлежащим, существует, истинны так же, как высказывания: «Некоторые числа нечетны» и «не всякое число нечетно». Из высказываний: «Некоторые тройки нечетны» и «некоторые тройки четны» — одно истинно, а другое ложно, так же как высказывания: «Некоторые тройки нечетны» и «некоторые из них не нечетны»; а из высказываний: «Всякое число нечетно» и «некоторые числа четны» — одно истинно, а другое ложно, так же как высказывания: «Всякое число нечетно» и «не всякое число нечетно».

Высказывания, противоположащие друг другу как утвердительные и отрицательные, являются более общими, чем их подобия, которые противоположат друг другу потому, что в качестве их сказуемых взяты противоположности, ибо первые таковы, что одни из них истинны, а другие ложны, независимо от того, существует то, что (обозначают) их подлежащие, или нет и являются они определенными или неопределенными. Таким образом, противоположение утверждения и отрицания совершеннее противоположения утвердительных суждений, сказуемые которых (обозначают) противоположности. Значит, не необходимо, чтобы противоположащие друг другу высказывания полагались

как утвердительные с противоположными и даже противоречащими сказуемыми. Равным образом не необходимо, чтобы их брали в силлогизмах «от противного» — разве только кто-нибудь вынужден будет применить их, — ибо они обладают силой противолежащих друг другу утвердительных и отрицательных суждений благодаря наличию в них трех упомянутых нами условий, подобно тому как они берутся, например, в геометрии, когда мы говорим: «Это либо меньше, либо больше, либо равновелико».

Тебе следует знать, что лишение и обладание во всем том, что мы описали, есть состояние противоположностей, если не считать, что лишенность и обладание имеют определенного носителя и сходны с противоположностями, которые имеют своих носителей. Если мы хотим, чтобы они обладали силой противолежащих друг другу утвердительных и отрицательных высказываний, необходимо также, чтобы они отвечали прочим условиям, о которых говорилось в разделе о противоположностях, а именно: чтобы их носитель реально существовал и был им свойствен и чтобы ему обязательно была присуща одна из них. Тем же самым условиям должны удовлетворять и соотнесенные термины, дабы они имели силу противолежащих друг другу утвердительных и отрицательных высказываний.

ХIII. Рассуждение о следовании одного из другого

Одно следует из другого, когда оно существует благодаря тому, что существует другое. Такое следование может иногда быть акцидентальным, например, когда мы говорим: «Когда Зейд пришел, Амр ушел» (если это произошло по совпадению, поскольку уход Амра здесь следует из прихода Зейда лишь акцидентально), а иногда — сущностным. То, что следует из чего-то сущностно, может следовать либо в большинстве случаев, как, например, когда мы говорим: «Когда Сириус восходит утром, жара усиливается и дожди прекращаются» (поскольку это следует из восхода Сириуса, но только в большинстве случаев), либо необходимо. Необходимо одно следует из другого, когда оно следует всегда и не может быть отделено от того, благодаря существованию чего оно существует: когда существует данное, всегда существует и то, что следует из него, и ни одного мгновения оно не бывает без него.

Следование одного из другого бывает двух видов: полное и не полное. Полное следование означает, что если одна из двух вещей — безразлично какая — существует, то благодаря этому необходимо существует и другая. Это значит, что, когда существует первая, необходимо существует и вторая и, когда суще-

ствует вторая, необходимо существует и первая. Неполное следование означает, что если существует первая из двух вещей, то необходимо существует и вторая, но если существует вторая, то из этого не следует с необходимостью существование первой. Это такие две вещи, которые не равноценны в следовании существования, как, например, человек и живое существо, ибо если существует человек, то с необходимостью существует и живое существо, но если существует живое существо, то из этого не следует с необходимостью существование человека. Когда из двух вещей, не равноценных в следовании существования, одна — та, которая следует, — устраняется, устраняется и другая — та, из которой следует ее существование. Пример тому — человек и живое существо: если живое существо устраняется, то необходимо устраняется и человек. Ибо если бы живое существо было устранено, а человек, не будучи устраненным, продолжал бы существовать (а раз существует человек, значит существует и живое существо), то из этого следовало бы, что живое существо, будучи устранено, существует в то время, когда оно не существует, так что одно и то же оказалось бы одновременно и в одном и том же отношении и существующим и несуществующим, а это нелепо. Равным образом, если одна из двух вещей (безразлично какая), равноценных в следовании существования, устраняется, то необходимо устраняется и другая.

Точно так же и несовместимые вещи бывают двух видов: те, что несовместимы полностью, и те, что несовместимы не полностью. Полностью несовместимые вещи это такие две вещи, что если одна из них — безразлично какая — существует, то другая устраняется, и если одна из них — безразлично какая — устраняется, то другая существует. Не полностью несовместимые вещи это такие две вещи, что если одна из них — безразлично какая — устраняется, то из этого не следует с необходимостью существование другой. Поэтому (полностью) несовместимые вещи можно рассматривать в обращенном виде как такие вещи, устранение одной из которых следует из существования другой, равно как из существования последней — устранение первой. Следующие друг из друга термины — это те, из коих состоят условно-соединительные суждения, а противолежащие друг другу термины — это те, из коих состоят условно-разделительные суждения. У тех вещей, следование которых является полным, бывает так, что, когда предшествующее или последующее — безразлично, которое из них, — устраняется, другое следует из него и, когда устраняется нечто противолежащее одному из них, из этого необходимо следует нечто противолежащее другому. Что касается тех вещей, следование которых является неполным, то в них необходимо лишь устранить

либо предшествующее, либо противоположащее последующему, чтобы получился силлогизм.

Противолежачие друг другу термины, если каждая пара их приписывается одному и тому же подлежащему, несовместимы и составляют условно-разделительные суждения. Если же они приписываются двум подлежащим, то они оказываются терминами, не следующими друг из друга, а соотнесенными, ибо если один из них присущ одному предмету, то из этого необходимо следует, что другой присущ некоторому другому предмету, как это, например, имеет место в случае с «отцом» и «сыном»: если Зейд — сын, то из этого необходимо следует, что у него есть отец, а если Амр — отец, то из этого необходимо следует, что у него есть сын. Поэтому соотнесенные термины становятся такими, которые следуют один из другого, когда они приписываются двум разным предметам, и из них составляются условно-соединительные суждения. Если же они приписываются одному предмету, то из них составляются условно-разделительные суждения. Необязательно, чтобы следование одного из другого рассматривалось (лишь) как необходимое следование существования чего-то одного из существования чего-то другого, оно (может рассматриваться и) как следование несуществования чего-то одного из несуществования чего-то другого, и как следование несуществования чего-то одного из существования чего-то другого, и как следование существования чего-то одного из несуществования чего-то другого. Поэтому если два несовместимых термина рассматриваются по своему существованию как противоположности, то из них может получиться условно-соединительное суждение, как, например, высказывание: «Если данное число четное, то оно есть не нечетное», и тому подобное.

XIV. Рассуждение о значении «предшествующего» и «последующего»

О «предшествующем» говорится во многих смыслах: как о предшествующем во времени, как о предшествующем по природе, как о предшествующем по степени, как о предшествующем по совершенству, как о предшествующем в виде причины чего-то. Когда речь идет о прошедшем времени, предшествующим во времени является то, время чего дальше отстоит от «теперь», а когда речь идет о будущем времени, — то, время чего ближе к «теперь». С последующим во времени дело обстоит наоборот: когда речь идет о прошедшем, таковым является то, время чего ближе к «теперь».

Предшествование по природе касается двух вещей, не равноценных в следовании существования: о той из них, которая

следует, говорится, что она предшествует той, из которой она следует, когда та, из которой она следует, не имеет отношения к ее существованию и является последующим по природе, как, например, человек и живое существо, а также — два и один⁶. Ибо предшествующая из них такова, что если она устраняется, то необходимо устраняется и другая, а если она будет существовать, то из этого не следует с необходимостью существование другой.

Подобным же образом дело обстоит с той из двух неравноценных (в следовании существования) вещей, которая следует из другой: она необходимо следует из какой-то другой вещи, не будучи равноценна ей в следовании существования, и другая устраняется с устранением первой вещи, в то время как первая не устраняется с устранением второй. Так, живое существо есть то, что следует из человека, не будучи равноценно человеку в следовании существования, и человек устраняется с его устранением, в то время как само оно с устранением человека не устраняется. Таким образом, предшествующим по природе здесь является живое существо, а последующим — человек. Точно так же и два — последующее, а один — предшествующее. Предшествующее по степени — это то, что ближе к какому-нибудь определенному началу, будь то в пространстве, в речи или еще в чем-нибудь; в пространстве, например, когда ты говоришь: «Зейд стоит впереди тебя», в речи, например, введение книги или речи находится впереди изложения. Предшествующее по совершенству — это более совершенная, лучшая из двух вещей, будь то наука, искусство или что-то другое. Так, например, об одном из двух врачей, более совершенном во врачебном искусстве, говорят, что он стоит впереди того, кто уступает ему. То же самое можно сказать и о двух различных видах (искусства), таких, как философия и плясание, ибо о философе говорится, что он по оказываемой ему чести стоит впереди плясуна. Предшествующее в виде причины — это такая причина, которая связывает друг с другом две вещи, равноценные в следовании существования, как это, например, обстоит дело с восходом солнца и наступлением дня: то и другое равноценны в следовании существования, только восход солнца является причиной наступления дня и, будучи единственной причиной последнего, предшествует ему.

Вообще всякая причина предшествует тому, что существует благодаря ей. При этом не исключено, что причина будет и во

⁶ В тексте значится: «ал-инсан ва-л-вахид» — «человек и один», читаем: «ал-инсан ва-л-вахид» — «два и один» (ср. аналогичный пример предшествования по природе в книге Ибн-Сины «Даниш-намэ», Сталинабад, 1957, стр. 165).

времени предшествовать тому, что существует благодаря ей, как дело обстоит со строителем и стеной: (в первом) совмещаются два вида предшествования — в виде причины и во времени. Равным образом не исключено, что нечто одно будет предшествовать чему-то другому в одном отношении и следовать за ним — в другом отношении, как, например, из двух лекарей более совершенным во врачебном искусстве может быть младший по возрасту, который в этом случае стоял бы впереди старшего по совершенству и следовал бы за ним во времени.

XV. Рассуждение о значении «вместе»

«Вместе» говорится в различных смыслах. Во-первых, во времени, когда речь идет о двух вещах, существование которых относится к одному «теперь», и о таких, кои одинаково отстоят от «теперь» в прошедшем и будущем времени. Во-вторых, по природе, когда речь идет о двух вещах, равноценных в следовании существования, причем ни одна из них не является причиной существования другой, как, например, двойное и половина. В-третьих, когда речь идет о двух вещах, которые объемлет единое по числу место, когда, например, два тела пребывают в каком-нибудь едином по числу месте, скажем, если Зейд и Амр находятся в одном доме или в одном городе. Бывает же это двояко: либо между краями этих вещей не будет совершенно никакого расстояния (таким вещам в наибольшей мере свойственно «быть вместе» в отношении места), либо между ними будет некоторое расстояние. Что же касается «первого» места, то оно не может объять два тела, кроме как по мнению тех, кто считает возможным взаимное проникновение двух тел и полное их совпадение. В-четвертых, когда речь идет о двух вещах, расстояние которых от какого-либо известного начала по степени одно и то же, будет ли это касаться места или речи: места, например, когда говорят «Зейд и Амр вместе по чину своему занимают в собрании одно положение по отношению к царю»; речи, как, например, соподчиненные виды, которые занимают одно и то же положение по отношению к своему роду.

ИБН-СИНА

